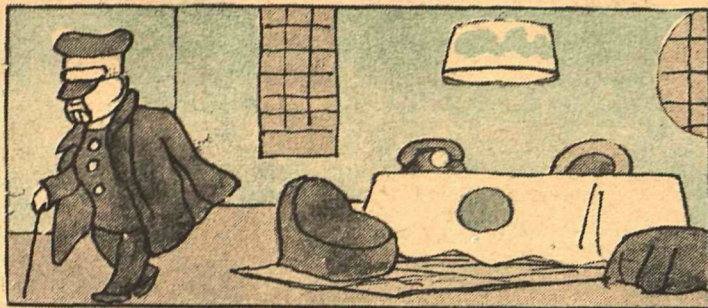

К Р О К О Д И Л

— А Дёмин всё увивается за мной!.. Я — сто тридцать процентов, и он — сто тридцать. Я — двести сорок, и он — двести сорок. Просто проходу нет от парня!..

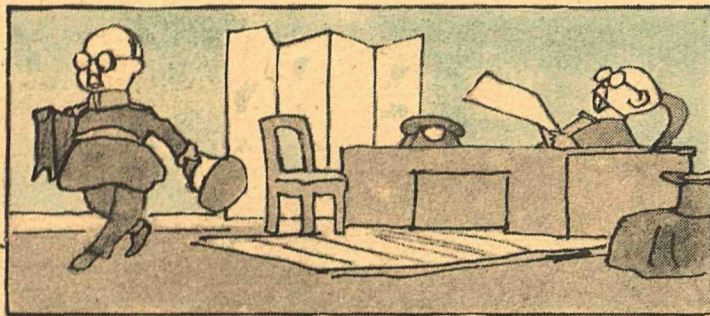
Рис. В. Гориспа

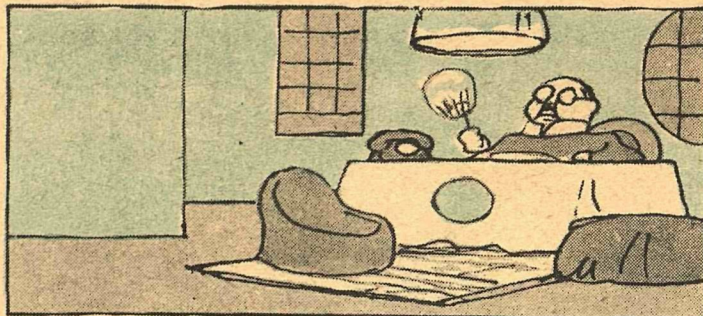
Начальника полиции города Токио вычистили как нежелательный элемент...

...и назначили на освободившееся место начальника полиции в городе Нагасаки. А начальника полиции в городе Нагасаки вычистили как нежел. элемент...

...и назначили на освободившееся место начальника полиции в городе Иокагама. А нач. пол. в гор. Иокагама выч. как неж. эл...

...и назначили начальником полиции города Токио.

Диаграммы

ПОСЕТИТЕЛЬ, человек средних лет с энергичными и нервными чертами лица, отрекомендовался:

— Я художник. Работаю в газетах. Сейчас рисую... Виноват, это вода кипячёная? Благодарю вас...

Сейчас рисую диаграммы. Должен вас предупредить, что в живописи я люблю пейзаж. Извилистая речка меж крутых бережков. Восход солнца в основном бору. И тучка золотая на груди угёса-великана.

Но в последние дни мой взор чарует иная поэзия. Иные пейзажи вдохновляют меня.

Извилистые речки — это особь статья, они остаются в силе. Но сегодня меня зовут к себе другие волнистые линии.

Мой карандаш с увлечением наносит на бумагу поднимающиеся ввысь, наподобие горных вершин, домны, мартеновские печи, снопы пшеницы, этажи домов. Мои диаграммы рассказыва-

ют о новых марках советских автомобилей, о новых тканях, о новых днях.

Вот поэтому мне хотелось бы... У вас жарко в кабинете...

Так вот. Поэтому мне хотелось бы предложить вашему вниманию серию новых диаграмм. Здесь ломаная линия идёт не вверх, а вниз, всё падая и падая и порою совершенно исчезая. Как сказал поэт, простите за цитату: «Она исчезла, утопая в сиянии голубого дня».

«Казбек» — она дымит. С каждым годом папироса уменьшается. И вот мы уже почти у самого подножья «Казбека» — папироса стала крохотной.

Нет, это не лекция о вреде курения табака. Диаграмма имеет в виду, скажем, Воробьёвский район, где итогом длинных, томительных, дымных и бесплодных ночных заседаний часто является лишь несметное количество уничтоженных папирос и цыгарок. Но всё это должно пойти на убыль, и папироса на рисунке теряет и в росте и в весе.

А вот эта диаграмма имеет прямое отношение к бывшей Растеряевой улице. На первом плане парень с узким лбом и грязным чубом. Его рот открыт — то, что вылетает из этой пасти, нельзя ни рисовать, ни печатать. Но ещё рисунок

сейчас я вам всё покажу. Но имейте в виду — это не окончательные варианты. Пока только наброски, намётки, проба карандаша.

Я беру не в широком масштабе, а касаюсь лишь отдельных точек, отдельных районов.

Здесь вы видите огромную папиросу «Казбек» — она дымит. С каждым годом папироса уменьшается. И вот мы уже почти у самого подножья «Казбека» — папироса стала крохотной.

не закончен, а хулигана уже не видно. Ему в нашем будущем нет места.

Дальше перед вами стог. Всмотритесь внимательно — это стог из судебных повесток в городе Колдобинске. Диаграмма показывает, как весело растёт город и как резко уменьшается стог.

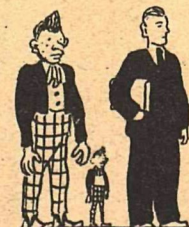
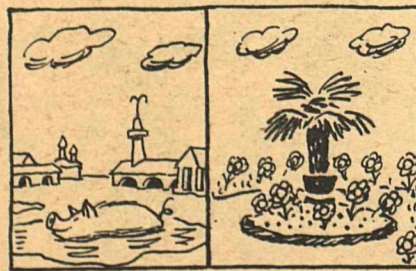
Здесь вы видите лужу в миргородском стиле. Она с давних времён является обязательной принадлежностью городской площади в Заболотинске. Вот эта ниспадающая волнистая линия ведёт нас через всё более сокращающиеся пятна к цветнику, где рядом со скромными петуньями цветут гордые гладиолусы.

Приятно рисовать цветы. И очень приятно — смотрите следующую диаграмму — рисовать широко раскрытую дверь. Это дверь кабинета председателя городского совета в Энске, которая заменила глухо закрытый канцелярский дот с надписью: «Приёма нет».

Я закругляюсь, как говорят ораторы. Вот ещё только одна диаграмма. Вы видите здесь человека, сильно смахивающего на фонвизинского Митрофанушку. Но он постепенно худеет, чахнет, и в конце мы видим того же человека, но в новом свойстве, человека, который уж никак непохож на недоросля.

Вот пока всё. Кое-что из того, что я предлагаю, следует, может быть, отбросить, кое-что поправить, кое-что добавить. Не в деталях суть. А в принципе, кажется, я прав. Ведь в годы пятилетки будут расти не только чугун и конопля, но и человек, его культура, сознание и честь. Не так ли?

Г. РЫКЛИН.

МАДРИД. Здесь наднях состоялся суд над убийцей и громилей. Защитник подсудимого в своей речи отметил, что хотя подзащитный и совершил ряд убийств и грабежей, но тем не менее «нет достаточных доказательств», чтобы считать его убийцей и прабителем. В качестве прецедента защитник привёл дело Франко, адвокаты которого тоже полагают, что «нет достаточных доказательств» его агрессивности.

ОСЛО. В местных литературных кругах много говорят о выпущенном последнем романе Гамсуна: из тюрьмы выпущена в свет его жена Мария Гамсун, активная гитлеровка.

ТОКИО. Здешние демократические газеты категорически опровергают слух о том, что японский гитлеровец Хатояма прекратил свою подрывную деятельность. Как выяснилось, прекратил свою деятельность не Хатояма, а Фузияма, уже давно не извергающийся. Что касается Хатояма, то последний, приспособившись к новым обстоятельствам, извергает потоки либеральных речей.

АНКАРА. Здоровье Зекерия Сертель, Халиль Любю и других редакторов турецких демократических газет заставляет желать лучшего. У них обнаружен хронический процесс (в суде) — третий по счёту. От анкарских судей, как утверждают врачи, не поздоровится.

О ТРУПЕ

Там, где мирт и лавров кущи
И природа — первый сорт,
Муссолини труп гниющий
Обожателями спёрт.

Дело видите не чисто:
Громче самых громких труб
Намекает труп фашиста,
Что фашизм — не всюду труп.
Ник. АДУЕВ

К телефону-автомату
Подошёл лихой солдат.
Приготовил быстро плату,
Снял с плеча свой автомат.
В уголок его поставил,
Гимнастёрочку оправил,
И, как школьник свой урок,
Повторяет номерок:

«2-15-48,
2-15-48».
Если б даже я и помер,
Этот номер не забыть!
«2-15-48,
2-15-48».

Но об этом вас попросим
Никому не говорить...
— Здравствуйте, Настя!
Я из части
В отпуск прибыл час назад!..
— Здравствуйте...
Только я не Настя, —
Отвечает автомат.
— Вы не Настя? Вот так номер!..

Извините, спутал номер...
Поглядел он в потолок.
Вспоминает номерок:
«2-16-48,
2-16-48».
Не пятнадцать,
а шестнадцать,

Как я мог его забыть?!
«2-16-48,
2-16-48».
Но об этом вас попросим
Никому не говорить...
— Здравствуйте, Настя,
Я из части

В отпуск прибыл на три дня!..
— Здравствуйте,
Только я не Настя, —
Валентиной звать меня...
— Что за странная картина?!
Мне нужна не Валентина...
Отошёл он в уголок,
Вспоминает номерок:
«2-17-48,
2-17-48».

Не шестнадцать,
а семнадцать,
Как бы снова не забыть!..
«2-17-48,
2-17-48».
Но об этом вас попросим
Никому не говорить...
— Вот и кончились напасти...
Дозвониться к вам хитро!..
Здравствуйте, Настя!..
— Я не Настя,
Похоронное бюро...
— Нет, простите, я не помер,
Я опять напутал номер!..
Призадумался боец
И припомнил наконец:
«2-15-48,
2-15-48».
Первый номер — верный номер,
Я запутался кругом!
«2-15-48,
2-15-48,
2-15-48»
Только в городе... другом!

Владимир ЛИФШИЦ
Ленинград.

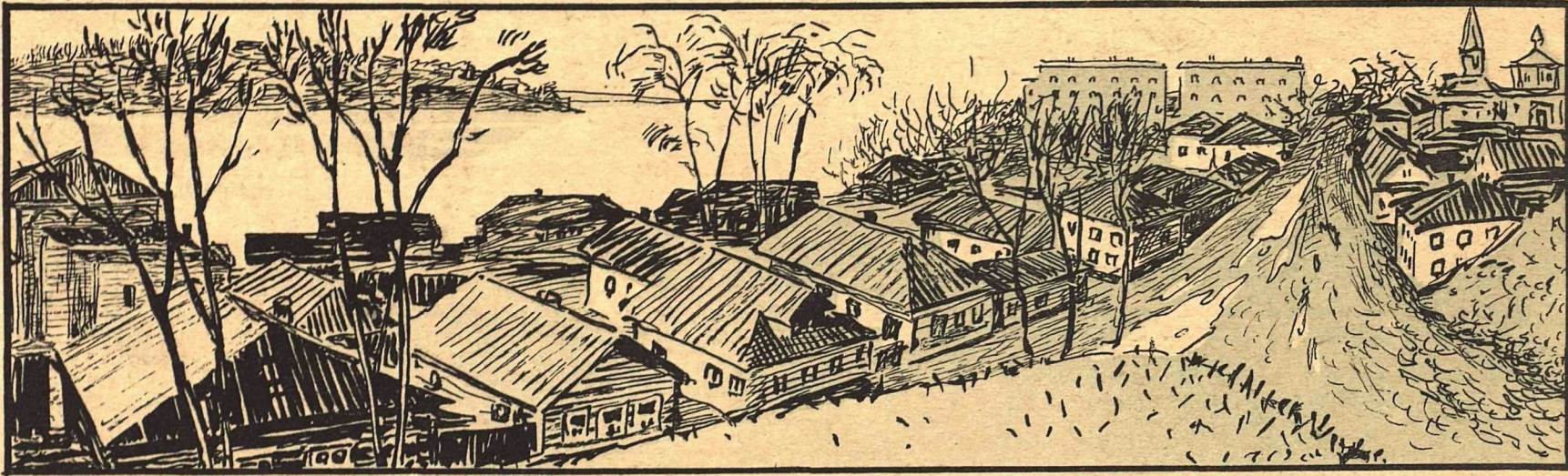
ЧЬЯ ВИНА?

Рис. И. Семёнова

Этот рисунок залежался в портфеле редакции с прошлого навигационного сезона и появился в этом номере в результате недоразумения. Но неизвестно, где имеет место это недоразумение: в редакции или в речном пароходстве.

Костромские

Ах, какой чудесный город Кострома! Как чист, как прозрачен воздух: ни одна струйка дыма из труб не отравляет его чистоты, не вставляет дивного пейзажа. Очарованный путник, выйдя к берегу матушки-

Волги, будет долго, долго любоваться её просторами: простоят час, простоят шесть и... уйдёт восхищённый. И ты, наивный читатель, думаешь, что всё это сделала глупая природа?

«Мы не можем ждать милостей от природы», — сказал один великий учёный, и это правильное замечание вполне оценил Сергей Иванович.

Ты сейчас же спросишь, читатель: кто такой Сер-

МЫ собирались в Кострому. Знакомый лирик, узнав о наших сборах, задумчиво прозвонил:

— О, Кострома! Голубая Двина, золотая волна...

Мы подвели лирика к географической карте. Кострома на ней, как всегда, значилась на Волге. Лирик не растерялся и прочитал новые стихи:

— О, Кострома! Голубая Волга, золотая волна...

Небезызвестный музейевед в ответ на наши расспросы о Костроме взял конторские счёты и, звонко щёлкая костяшками, начал подсчитывать:

— Музей — раз, Ипатьевский монастырь — два, гауптвахта и каланча постройки 1824 года — три, камень на берегу Волги, на котором, по преданию, сжигал внук боярина Задуйского, — четыре, неразъяснённая шапка, в которой, по слухам, хаживал на медвежью охоту племянник воеводы Василий Дыбов, — пять...

Мы уже были в соседней комнате, а музейевед всё ещё щёлкал:

— Кусок парчи с шубы окольного Матвея Сухорука... Соска юного польского графа...

...И вот поезд подходит к Костроме. Весёлый проводник стучит в дверь и бодро покрикивает:

— Граждане, Кострома! Поезд стоит полдня. Постоит, постоит и обратно покатит. Ехать дальше некуда. Дорога кончается, лес начинается. Через поле перейдешь, на медведя набредёшь.

Балагура-проводника сурово обрезал ехавший с нами в одном купе коренной костромич Алексей Степанович Грибов:

— Ты брось на наш город поклёп взводить. Поди, нездешний, вот и форсишь. Наш город знаменитый. Скоро два года, как в областной ранг возведён. Вон посмотри...

На запасных путях стояли длинные товарные составы с машинами. Возле них суетились железнодорожники. Алексей Степанович пояснил:

— Видал? То-то же! Это в наш край новая пятилетка приехала. Железную дорогу будем удлинять. Пришёл конец костромскому тупику.

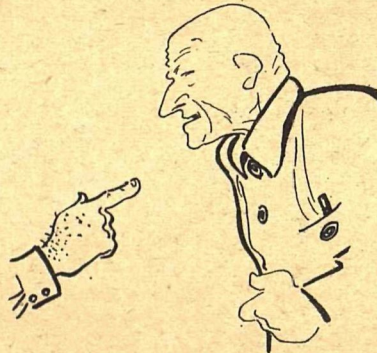
— Граждане, Кострома! Поезд стоит полдня.

НАСМОРК

Знакомство с Костромой мы начали с музея. Дорогу к нему показал добрый мальчишка. По пути он участливо спросил нас:

— И зачем вы только туда, дяденьки, идёте? Подведя к превосходному, в старинном русском стиле дому, паренёк попрощался с нами несколько загадочно:

— Желаю выйти на своих-двоих.

— Сводку! Дровяную, быстро!

Никакой шапки Василия Дыбова, куска парчи и соски юного польского графа мы в музее не видели. Их там нет. Там есть более ценные экспонаты: подлинники Левитана, Кипренского, Репина, картины итальянских мастеров. Хороши в музее краеведческие отделы. Но, к сожалению, всё это мы видели мельком. В первом зале, рассматривая солидного лося, убитого в местных лесах, бабочек, русаков и прочих хвостатых и пернатых, мы ещё шли так, как обычно ходят в музеях, — неспеша и читая надписи: «Руками не трогать».

Во втором зале, где сложены кости мамонта и черепа наших отдалённых предков, мы шли уже походным шагом. Зал девятнадцатого века был преодолен прыжком. По картинной галерее мы бежали. Поскрипывал под ногами настоящий снежок, издания этого года. На рамках дорожных картин серебрился натуральный, не музейный иней. Термометр показывал тринадцать с половиной градусов ниже нуля.

Выбежав из музея, мы наткнулись на директора.

— Что вы вынесли из нашего музея?

Мой спутник, художник Елисеев, торопливо достал носовой платок:

— Кажется, мы выесли насморк!

В ответ мы услышали точную историческую справку:

— Последний раз печи топили второго февраля. Насморк — это пройдёт. Бывает хуже. В прошлом месяце одному посетителю куском штукатурки пробило голову.

СЕЗОННЫЙ МОТИВ

Костромичи очень любят свой город. Такой вывод мы сделали не на абстрактных рассуждениях, а на основе научного анализа.

Ста жителям мы роздали анкету с одним вопросом: «Где бы вы хотели жить?»

Восемьдесят семь и семь десятых процента, охваченных анкетой, ясно ответили:

— В Костроме.

Из этого мы сделали вывод, что подавляющее большинство костромичей — большие патриоты своего города. Все они начинали беседу с одной и той же фразы:

— О, вы ещё не всё у нас видели...

За этим начиналось перечисление достопримечательностей. Лыскокомбинаты, театр имени Островского, цирк, Волга, романовский лук. Особенно много было рассказано о знаменитой костромской породе молочного скота.

В этой искренней и горячей любви нас удивил некий, так сказать, сезонный мотив. Все панегерики заканчивались на редкость единодушно:

— Летом у нас ещё лучше!

На просьбы объяснить, почему в Костроме лучше летом, а не зимой и весной, нам отвечали:

— Сходите к председателю городского совета Сергею Ивановичу Аникину...

Сергей Иванович был с нами откровенен:

— Я понимаю моих сограждан! Летом у нас, действительно, лучше. Купаться можно в Волге. День длиннее, стало быть, ночь короче и вообще — природа расцветает. Нам, к сожалению, не подвезли каменного угля и нефти. Природный газ мы ещё не открыли. У нас нет даже горючих сланцев. Это создаёт зимой ряд мелких неудобств, как то: не работает баня, не отапливаются школы и учреждения, в жилых домах нет света...

— А дрова?

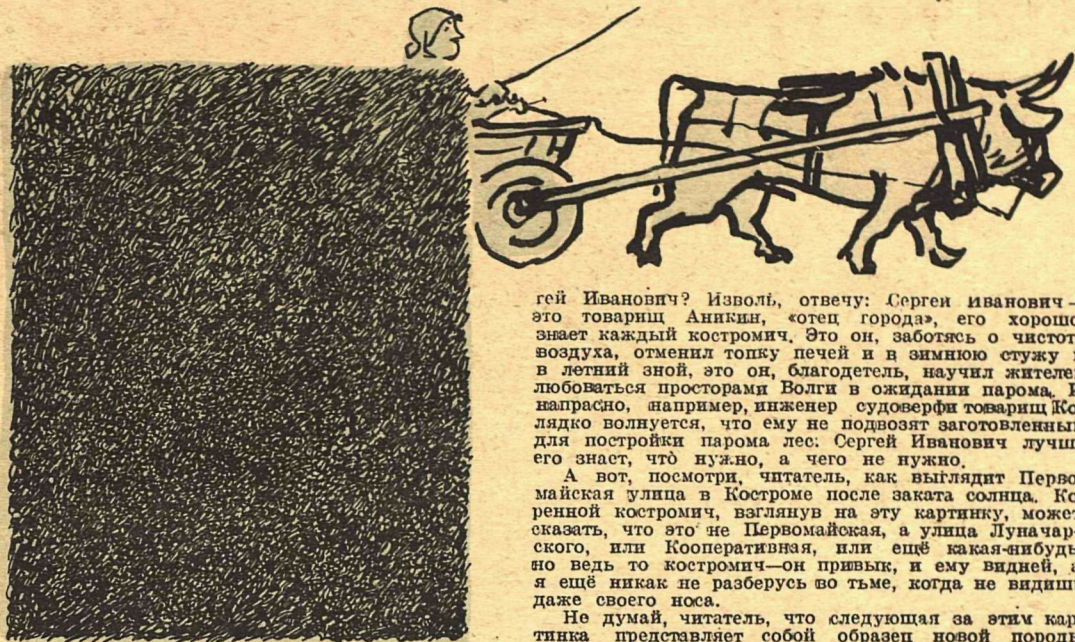
Сергей Иванович нажал кнопку. Вошёл секретарь. Председатель приказал:

— Сводку! Дровяную, быстро!

Вооружившись цифрами, Сергей Иванович преобразился. В голосе зазвучал ораторский металл:

— По плану, нам требовалось — необходимое количество недовыполнено, основная причина — недовыход воды в паводок. Предполагалось по-

Вот перу

гей Иванович? Изволь, отвечу: Сергей Иванович — это товарищ Аникши, «отец города», его хорошо знает каждый костромич. Это он, заботясь о чистоте воздуха, отменил топку печей и в зимнюю стужу и в летний зной, это он, благодетель, научил жителей любоваться просторами Волги в ожидании парама. И напрасно, например, инженер судоверфи товарищ Колядко волнуется, что ему не подвозят заготовленный для постройки парама лес: Сергей Иванович лучше его знает, что нужно, а чего не нужно.

А вот, посмотри, читатель, как выглядит Первомайская улица в Костроме после заката солнца. Коренной костромич, взглянув на эту картинку, может сказать, что это не Первомайская, а улица Луначарского, или Кооперативная, или ещё какая-нибудь, но ведь то костромич — он привык, и ему видней, а я ещё никак не разберусь во тьме, когда не видишь даже своего носа.

Не думай, читатель, что следующая за этой картинка представляет собой образец новой породы костромского молочного скота. О, нет! Это ещё один образец заботы Сергея Ивановича о благе граждан:

так выглядит скорая медицинская помощь в опекаемом им граде.

Много ещё картинок можно было бы показать тебе, читатель, но я чувствую твой законное нетерпение увидеть дорогие черты Сергея Ивановича и спешу удовлетворить оное нетерпение:

— Смотри, читатель, вот он, Сергей Иванович Аникши!

К. ЕЛИСЕЕВ

крыть — недокрыто. Основное в невыполнении и переотклонении от преподанных нормативов...

— Чем же вы топите?

— В результате трудностей наш топливный баланс на сегодняшний день — главным образом заборы.

Мы поняли сезонный мотив любви костромичей к своему городу.

В основу своей деятельности товарищ Галикеев положил научный подход.

РЫБОЛОВ И ЛИТЕРАТОР

К числу людей, оставивших у нас самое приятное воспоминание, безусловно, относится управляющий рыбным трестом товарищ Галикеев. Его познания в ихтиологии изумительны. Вдобавок, он ещё отменный литератор. В предыдущей статье, сочинённой им для стенной газеты, он великолепно рассказал о том, как помогали фронту костромские текстильщики, металлисты, швейники, кооператоры, колхозники, доярки, свиноводы, водники, школьники и детские учреждения. Скромности ради, своему тресту он уделил только несколько строк:

«А наш трест позорно отстаёт. План улова, каковой могли бы закончить, остался невыполненным по причинам, суть которых в следующем...»

В основу своей деятельности товарищ Галикеев положил научный подход.

Когда его спрашивают, почему руководимый им трест второй год выполняет план только

наполовину, он берёт со стола потрёпанную брошюрку и начинает доказывать:

а) Рыба должна дышать, а в воде стало мало кислорода.

б) Крупную рыбу можно ловить только в низовьях Волги. В верхнем плёсе рыбье поголовье состоит главным образом из мелкокалиберных плотвы и ершей.

в) Наиболее неблагоприятны для лова май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и отчасти январь, февраль и март.

В заключение товарищ Галикеев достаёт с полочки свёрток с сушёными снетками, которых он ласково называет «карие глазки», и предлагает:

— Покушайте наших костромских стерлядей. Да разве на такой мелкоте план выполнишь? Да ни в жисть! Это ведь вам не Астрахань, не Каспий, — одно слово, не тот размах!

КТО БОЛЬШЕ?

Есть много разновидностей болельщиков — футбольные, хоккейные, беговые, велосипедные. В Костроме мы открыли новых — болельщиков баланса. Встречаются два костромича. Между ними происходит разговор:

— Я за Александра. Меньше пяти не даст!

— Пожалуйста. Я за Драча. Этот оторвёт все шесть.

— Куда твоему Драчу против моего. Мелок ваш Драч.

— Ого-го! Наш Драч вашему тузу таких полей наставит!..

— Я за Александра. Меньше пяти не даст!

Появляется третий костромич и заливается смехом:

— Наивные вы люди! Да ваши оба одного моего «Транса» не стоят.

Сначала мы не понимали, в чём дело, и, прислушиваясь, гадали, за кого же ставить нам.

Потом нам разъяснили. Александров — это управляющий трестом «Костромалес». Драч — это заместитель управляющего трестом «Костромабумлес», а под кличкой «Транс» подразуме-

— Ого-го! Наш Драч вашему тузу таких полей наставит!..

мевается костромской трест по заготовке древесины для транспорта. Во всех трёх трестах заканчивают баланс за 1945 год. Костромичи спорят, у кого будет больше сверхплановых убытков.

Кто займёт первое место, пока ещё не определилось. В одном тресте — убыток шесть с половиной миллионов, в другом — пять с половиной, в третьем — ещё подсчитывают.

Кто больше?

ЗАШТАТНЫЕ ЛЮДИ

В дореволюционной России существовало административное определение «заштатный город». Кострома — не «заштатный город». Таких сейчас нет. Это очень хороший город, в котором живут хорошие люди. Костроме есть чем прославиться. Не только каланчой. Льняными тканями, лесом, рыбой, кустарными изделиями, музеями, театрами.

Но среди хороших костромичей есть и «заштатные люди». Мы их видели собственными глазами.

Арк. ВАСИЛЬЕВ.

Иллюстрации К. ЕЛИСЕЕВА
(Специальные корреспонденты Крокодила)

Наш художник Ю. Ганф, интересуясь археологией, пытался из быта каменного века, которые мы и воспроизводим здесь.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР ЖЕРТВА МАСКИРОВКИ

Взвод американской пехоты проходил полевые учения.

— Ребята, — сказал сержант, — маскируйтесь в роще. Через час я пойду вас проверять. Солдаты разбежались.

Через полчаса мимо сержанта пробежала напуганная парочка, а вслед за ней появился ефрейтор Купер.

— Хэлло, Купер! Что случилось? — спросил сержант.

— Дело в том, сержант, что я замаскировался в виде пня. Эта парочка уселась на меня — я терпел. Сперва они начали строить планы будущей жизни — я терпел. Потом они стали целоваться — я терпел. Потом они стали клясться в любви до гроба — я и это терпел. Но когда они стали вырезать на мне свои инициалы, мое терпение лопнуло, сержант!

БЕСКАЯ ПРИЧИНА

— Боб, почему вы все, толстяки, такие добродушные люди?

— Нам нельзя иначе: ведь мы не можем ни драться, ни быстро бегать.

ОДНА

РАССЕЯН

Однажды поэт Полонский, отлучившись, засиделся в гостях у Майков, спать в 11 часов, с ужасом поспрашивая полночь, но продолжал поддерживать разговор. Полонский, не выдержав, прошептал:

— Далекотато от моей квартиры кий мороз.

Майков сочувственно подхватил:

— Да, я счастлив, что дома. А Полонский вскочил и заторопился:

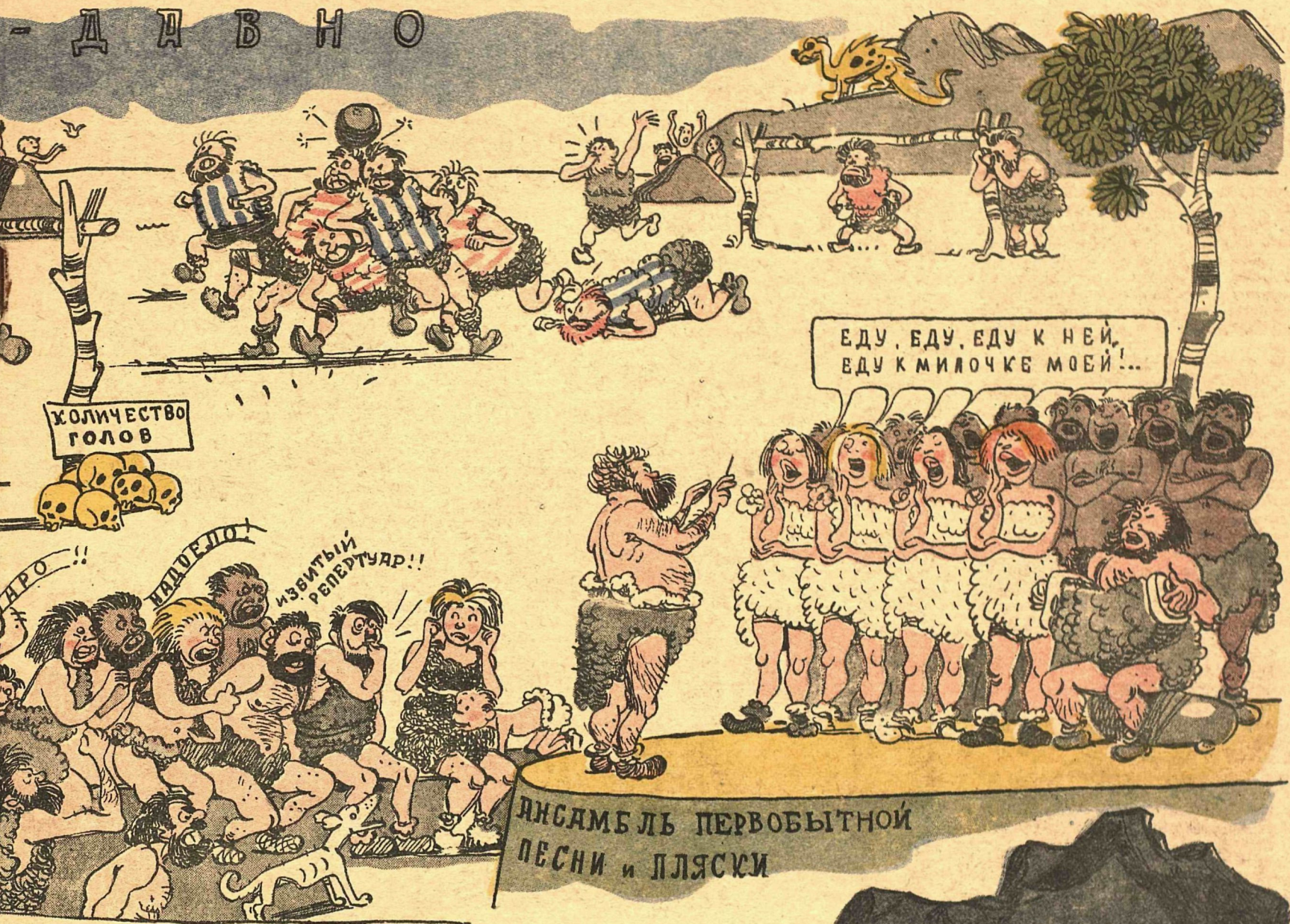
— Вот осёл! Это значит, вы дом родить двойню.

— Это ещё ничего, а вот вчера он умудрился, укладываясь спать, поспрашивая в угол и прислонился...

ТОЛЬКО НА

Однажды одна придворная артистка о ней распустили сплетню, будто родить двойню.

— Не придавайте этому значения, уже давно привык верить только на дворе.

на основании новых раскопок восстановить некоторые картинки

С ПОДЛИННЫМ СҚВЕРНО АПЕТИТ ПОКОЙНИКОВ

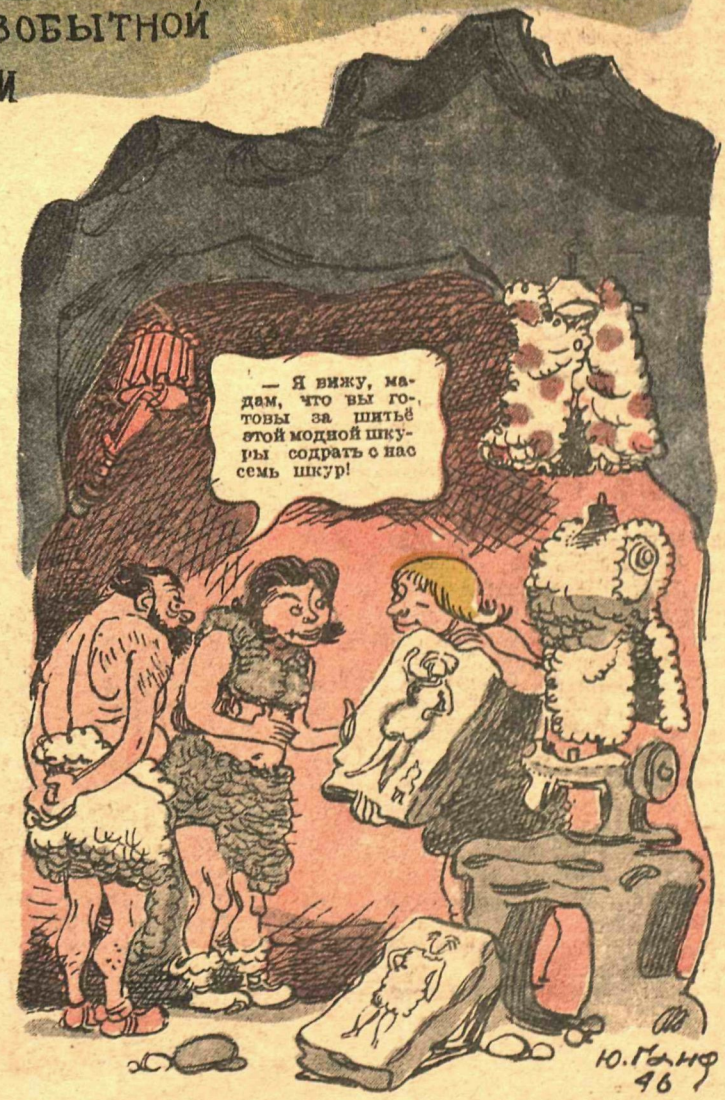
«Акт обследования»

Мы нижеподписавшиеся в лице председателя с. Карелы, Моршанского района, Тамбовской области, Родионова Я. В., секретаря Мельситовой Е. Ф. составили настоящий акт в нижеследующем: сего числа было сделано обследование у умершей матери. Комиссия установила, что умершая мать находится в плохом состоянии, живёт одинокая и прибрать усопшую нет средств, поэтому ей надо оказать помощь в одежде и продуктах питания. В чём и составлен настоящий акт».

ШИКАРНАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Из заявления учительницы Сулпоганчуловской школы-семилетки, Похвистневского района, Куйбышевской области, Милюдиной на имя заведующего Куйбышевским облоно.

«В нашей школе учителя, которые одинокие получают больше, чем семейные. У меня сейчас крайне затянутое положение верхними и нижними одеждами. Внешний вид учителя порождает на класс и на родителей. Вы не думайте, что все учителя ходят так как написано выше, у нас в районе есть учителя шикарно одеты и на них смотреть прилично и приятно».

Ю. Галин 46

ИДЫ...

НИЙ ПОЭТ
ичавшийся исключительной рассеянкова. Хозяин, аккуратно ложившийся вал на часы, которые уже показывали беседу. Оба отчаянно зевали. Накоговорил:
до вашей, к тому же на дворе жут-

вот вы бедный...
ся:
а, а не я?
атель Григорович пошутил:
с нашим другом случилось худшее:
ложить свой костыль в кровать, а сам

АПОЛОВИНУ
стка жаловалась Вольтеру на то, что
она уезжала в имение, чтобы тайно
ия, дорогая, — ответил философ, — я
наполовину всему, что говорится при

Женщина в кандалах

У НИНЫ Антоновны, жены московского журналиста Михаила Семёновича Грамова, собралась гости.

Сам Грамов на вечеринке не присутствовал. Третий месяц он рыскал по Германии, собирая материал для своих очерков.

Известно, как проходят такие вечеринки. Сначала острят в одиночку, соблюдая очередь и порядок. Затем, по мере того как бутылки и блюда на столе пустеют, начинают острять все вместе, разом, залповым порядком, — по принципу «мала куча». Накричавшись, танцуют и, очень довольные, расходятся по домам.

В этот вечер ритуал ничем не нарушался. Уже от поисков отдельных остряков-разведчиков стол переходил к общей баталии, как вдруг режиссёр Кудрин громко спросил хозяйку дома: — Нина Антоновна, что вам Миша привёз оттуда?..

Сидевшая рядом с Кудриным хорошенькая шатенка с прямым точёным носиком и капризным ртом при словах «привёз оттуда» нервно вздрогнула и тоже попросила:

— Покажите, Нинуша, милая, что вам Михаил Семёнович привёз оттуда?..

— Дождётся от Мишки... Впрочем, привёз одну вещичку!..

— Покажите, покажите!

Нина Антоновна порылась в ящиках серванта и извлекла тяжёлый металлический предмет.

— Вот! — заявила она. — Любуйтесь!.. Тяжёлый предмет оказался арестантскими наручниками. Наручники были стальные, из крупновской никелированной стали, изготовленные с той тупой добротностью, с какой немцы изготовляли всё — от глиняных свистулек до топоров для усекования инакомыслящих голов включительно.

— Чудная вещичка! — сказала Нина Антоновна. — Пойти в театр — надеть!..

Дамы стали рассматривать наручники, ахая и ужасаясь, а остряки кинулись на лёгкую добычу, как волки на падаль.

Путешествуя по столу, наручники дошли до режиссёра Кудрина. Хорошенькая шатенка (её звали странно — Буба Егоровна) тоже подержала тяжёлые наручники и тоже поахала. Потом задумчиво сказала:

— Интересно, как они выглядят на руках!.. — Давайте, я вам их надену! — предложил галантный Кудрин.

— Наденьте! — и Буба Егоровна протянула режиссёру свою пухлую руку.

Кудрин ловко (как будто он всю жизнь только тем и занимался, что надевал на дам наручники) опоясал бубину кисть стальным кольцом, надавил на него, кольцо сухо щёлкнуло — «кряк». Остряки снова кинулись в свалку:

— Буба, вы типичная жертва!..

— А Кудрин — типичный палач.

— Теперь снимите! — приказала Буба режиссёру, когда шквал острот пронёсся.

Кудрин взял бубину руку, пощупал наручник, покрутил, сопя, надавил на стальное кольцо и сказал, глупо улыбаясь:

— Ей богу, я не знаю, как их снимают!

— Как это не знаете?! — ужаснулась Буба.

— Ей богу, не могу!..

— Снимите же! — повторила Буба капризным голосом. — Я не хочу!.. Мне страшно!..

Режиссёр снова засопел, крутя и давя проклятое стальное кольцо.

Буба вдруг слабо пискнула, как зайчик, попаривший в кашкан:

— Ой, он сжимается!.. Скорей же, снимайте!..

— Ключ надо! — сказал кто-то из гостей. Без ключа не снять. Должен быть ключ; Нина Антоновна, где ключ?!..

— Был ключ! — сказала расстроенная Нина Антоновна, — определённо был!.. Но я совершенно не помню, куда я его засунула! Бубочка, потерпите, я сейчас найду!..

Она стала рыться в серванте и в комод, выбрасывая из их ящиков прямо на пол салфетки, ложки, старые фотографические карточки.

Ключа не было!..

— Мне больно! — хриплым шопотом сказала

Буба. — Он сжимается! У меня рука посинела!..

Гости посмотрели на закованную бубину кисть и убедились, что она стала набухать и синеть.

— Сейчас, сейчас, Бубочка! — крикнула Нина Антоновна.

На пол полетели сорочки и старые шляпы, рукописи и семейные альбомы.

Ключа не было.

И тогда Буба закричала. Кричала она истошно и страстно, как кричат на пожаре немудрёные деревенские бабы.

— Доктора надо! — сказал смущённый Кудрин.

— Не доктора, а слесаря! — поправил его один из остряков абсолютно серьёзно. — Я найду!..

Он ушёл. Буба побежала к телефону и, дрожа от страха и боли, свободной рукой набрала номер. Она звонила мужу.

— Витя! — крикнула она в трубку, рыдая. — Меня пытаются!.. Я лишаюсь руки!.. Что?.. Почему ты молчишь?.. Витя!..

Она бросила трубку и заплакала — надрывно, с воем!..

Основательно нагруженный писатель Ялфин, на которого даже это драматическое происшествие не подействовало отрезвляюще, шатаясь, добрался до телефона и с трудом набрал номер.

— Милиция?! — сказал он в трубку солидным деланным басом. — Говорит писатель Ялфин. Немедленно пришлите милиционера на Кривокузнецкую, 6, квартира 8... Что? Да, да, милиционера с отмычкой!.. Что?.. Именно с отмычкой!.. Потому что на женщину надели кан-

далы... Что?.. Я считаю, что советская милиция должна вернуть ей свободу... Гестаповские кандалы, товарищ! Да, да, Кривокузнецкая, 6, квартира 8!..

— Не плачьте, Буба! — сказал Ялфин. — Сейчас милиция вас освободит, и я собственноручно надену наручники на Кудрина. Вы будете отошщены!..

Пришёл слесарь — низкорослый, тощий, с длинными самоуверенными усами.

Он с важным видом осмотрел наручники и сказал:

— Тут всё дело в шайбочке с секретом!.. Найдёшь эту шайбочку — шабаш, дело сделано... Вот эта, что ли?!..

Он надавил на какую-то стальную пупырышку. Буба взвизгнула.

— Она! — сказал слесарь. — Теперь надо по ей тюкнуть — и всё. Топор есть?..

Принесли из кухни топор.

— Положите руку на стол, гражданочка! — строго, как хирург, сказал слесарь. — Не бойтесь! Я не по руке буду рубать, я по шайбочке буду рубать!..

Буба покорно положила на стол пленённую руку. Маленький слесарь взмахнул топором, крикнул. Буба отдёрнула руку, и топор, разрубив скатерть, глубоко вошёл в ореховое дерево круглого обеденного стола Грамовых. На пол со звоном посыпалась посуда.

— Перестаньте рубить тарелки! — вдруг крикнула Нина Антоновна. — Я нашла ключ!..

...По случаю освобождения Бубы, по розовым щекам которой по инерции ещё струились чёрные слёзы, открыли резервную бутылку шампанского.

Когда золотая благородная влага уже искрилась в бокалах и писатель Ялфин поднялся из-за стола, чтобы произнести спич, в передней раздался звонок.

Гости удивлённо посмотрели на хозяйку, хозяйка — на гостей.

В комнату вошёл милиционер, бравый и подтянутый, с холодными, ко всему привычными глазами.

Он посмотрел на пирующих и сказал вежливым баритоном:

— Где тут женщина, на которую надели кандалы?..

— Это я! — гордо сказала Буба. — Но их уже сняли. Мерси!..

— А кто на вас надевал кандалы?

— Я надевал! — робко признался Кудрин.

— А зачем же вы, гражданин, надевали кандалы на советскую женщину?..

— Я пошутил!..

— Пошутили?!.. Странные у вас шутки!.. (Милиционер взял наручники, посмотрел.) Это же пыточные немецкие наручники. Я таких много видел, когда мы по Германии шли, разоряли ихние тюрьмы. Нехорошо, гражданин!..

Гости Нины Антоновны засмеялись, загалдели, зашумели. Смеялись и шумели они так громко, что милиционер в конце концов засмеялся сам и махнул рукой:

— И чего только не придумают, ей-богу!..

И, повернувшись налево кругом, чётко печатая шаг, вышел из комнаты!..

...Когда Буба Егоровна приехала домой, она застала мужа, Виктора Семёновича, известного московского художника, лежащим в спальне на диване с компрессом на сердце. Он несколько театрально стонал.

— Это чорт знает что! — плачущим голосом сказал Виктор Семёнович, как только Буба вошла в спальню. — Кто тебя пытал? За что?.. Ты позвонила — мне сразу стало дурно... Я до сих пор не могу очухаться... Вот это действительно пытка!..

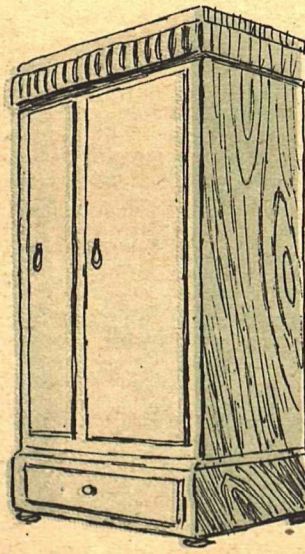
Супруги долго смеялись над бубинными злоключениями, но вдруг лицо у Виктора Семёновича стало серьёзным, потом суровым, потом надменно-безразличным.

— Интересно! — процедил он сквозь зубы. — Почему он именно на тебя надел наручники?! На Нину Антоновну не надел. И на Берту Абрамовну не надел. А на тебя надел!..

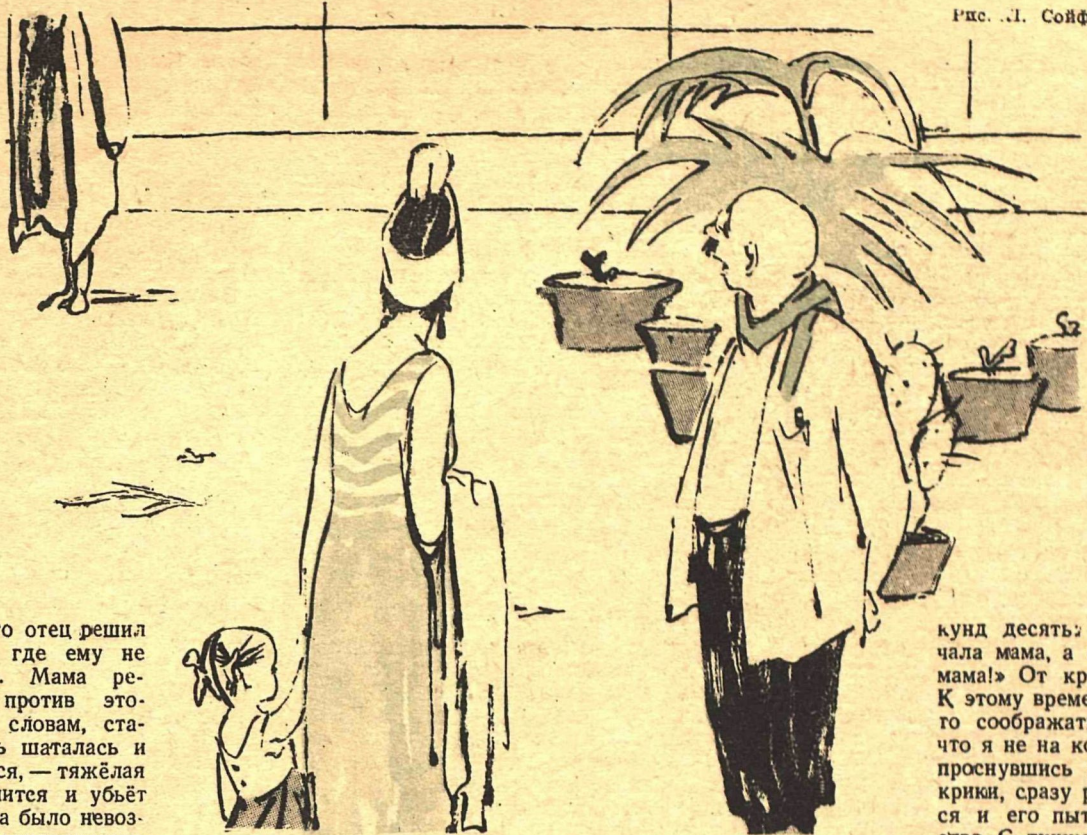
Леонид ЛЕНЧ

УНИКУМЫ

Рис. Е. Евгана

Только четыре экземпляра этой вазы — предмета античного ширпотреба — сохранились в музеях мира. Только три экземпляра этой редчайшей камен — предмета средневековой галантерии — находится у коллекционеров Старого и Нового света. Только два экземпляра этой классической статуи имеются в мировых музеях скульптуры. И только один экземпляр этого шкафа — классический образец работы напозказ — имеется на выставке ширпотреба и больше нигде.

В ЦВЕТНОМ МАГАЗИНЕ

— А розы у вас есть?
— Есть. Роза Петровна, вас спрашивают!

Ночь, когда кровать упала на папу...

СЛУЧИЛОСЬ так, что отец решил лечь в мансарде, где ему не помешают думать. Мама решительно возражала против этого, потому что, по её словам, старая деревянная кровать шаталась и если кровать подломится, — тяжёлая доска в изголовье свалится и убьёт папу. Но отговорить отца было невозможно, и в четверть одиннадцатого он закрыл за собой дверь и стал подниматься по узкой винтовой лесенке. Мы услышали зловещный скрип: это он забрался в кровать.

У нас в это время гостил очень нервный кузен Бриггс Бил, который боялся, что он ночью во сне вдруг перестанет дышать. Он чувствовал, что если его не будут будить через каждый час, он обязательно задохнётся. Обычно он ставил будильник, и тот звонил через определённые промежутки до утра. Но я отговорил Бриггса. Он спал в моей комнате, и я ему сказал, что я сплю так чутко, что если кто-нибудь в моей комнате перестанет дышать, — я моментально проснусь. Он проверил меня в первую же ночь — кстати, я так и предполагал. Он нарочно задержал дыхание, решив по моему виду, что я сплю. А я только притворялся спящим и сразу окликнул его. Он несколько успокоился, но всё же предусмотрительно поставил на свой ночной столик камфарный спирт. Если я разбужу его, когда он уже почти умрёт, говорил он, то он понюхает спирт — это оживит хоть кого.

Кроме Бриггса в нашей семье были ещё люди с «пунктиками». Тётя Сара Шоуф боялась, что грабитель заберётся ночью в дом и вдует к ней под дверь через трубку хлороформ. Чтобы отвести это несчастье, она аккуратно складывала все свои деньги, серебро и другие ценности перед дверью своей спальни с запиской: «Это — всё, что у меня есть. Берите, пожалуйста, и не вдуйте хлороформ, ведь это — всё, что у меня есть».

Тётушка Грэйси Шоуф тоже боялась грабителей, но она была гораздо решительней. Она считала, что грабители лезут к ней в дом каждую ночь в течение сорока лет. То, что у неё ничего не пропадало, никак не могло её разубедить. Она уверяла, что, прежде чем грабители успевают её ограбить, она их спугивает, швыряя башмаки в коридор. Ложась спать, она собирала башмаки со всего дома у своей кровати. Через пять минут после того, как тушилась лампа, она вставала и говорила: «Слушай!» Её муж, привыкший не обращать внимания на неё чуть ли не с 1903 года, крепко спал или притворялся, что спит. Во всяком случае, он не отвечал, когда она трясла и толкала его, так что она одна пробиралась на цыпочках к двери, приоткрывала её и швыряла один башмак влево по коридору, а другой — вправо. Иногда она за ночь расшвыривала все башмаки, иногда — только две — три пары.

Но я отвлекаюсь от описания событий, произошедших в ту ночь, когда кровать упала на папу. К двенадцати часам мы все уже легли. Для уяснения обстановки необходимо описать расположение комнат и их обитателей. В первой комнате, как раз под отцовской мансардой, спали моя мать и братик Герман, который часто пел во сне военные марши и песни. Бриггс и я спали в соседней комнате, а напротив нас, через коридор, спал мой брат Рой. Наш бультерьер Рекс спал в коридоре. Моей постелью мне служила походная койка. На ней можно было спать только подняв вровень с серединой две боковины, которые обычно висели вниз, как у раскладного стола. Когда эти боковины были подняты, то было опасно ложиться слишком близко к краям, потому что тогда вся кровать опрокидывалась и падала на спящего со страшным грохотом. Это, именно, и произошло со мной около двух часов пополудни.

Спал я страшно крепко, разбудить меня было немисливо. (Бриггсу я всё наврал.) Сначала я даже ничего не сообразил, когда железная койка сложилась и я очутился на полу. Но она так свернулась надо мной, что меня не ушибло, и я оказался в тепле и безопасности, как в палатке. Поэтому я не проснулся, а только на секунду выплыл на поверхность сознания и снова погрузился в сон. Но грохот сразу разбудил маму в соседней комнате, и она тут же решила, что сбылись её страшные предчувствия: тяжёлая дубовая кровать упала на отца. Она закричала страшным голосом: «Идём к папе!» От её крика, а не от грохота моей койки, проснулся мой брат Герман. Он решил, что с матерью неизвестно отчего приключилась истерика. «Успокойся, мама!» — закричал он, пытаясь её успокоить. Они кричали друг на дружку се-

кунд десять: «Идём к папе!» — кричала мама, а брат орал: «Успокойся, мама!» От криков проснулся Бриггс. К этому времени и я смутно стал что-то соображать, но ещё не понимал, что я не на койке, а под ней. Бриггс, проснувшись под громкие испуганные крики, сразу решил, что он задыхается и его пытаются привести в чувство. С тихим стоном он схватил бутылку с камфарным спиртом и, вместо того чтобы понюхать, вылил её на себя. В комнате пронзительно запахло камфарой. «Фр-р... уфф...» — хрипел, как утопленник, несчастный Бриггс, уже действительно захлебываясь от вонючего спирта.

Он выскочил из постели, оступая добираясь до открытого окна, но наткнулся на то, которое было заперто. Он вышиб кулаком стекло, и я услышал, как осколки, звеня, посыпались на каменные плиты. Именно в этот момент я, пытаюсь встать, вдруг пережил жуткое ощущение, что не я лежу на кровати, а кровать — на мне. Совершенно сонный, я решил, что весь шум подняли, пытаясь спасти меня из неслыханно опасного положения. «Спасите!» — заревел я. В это время мама, всё ещё с криком, а за ней Герман, тоже с криком, пытались открыть дверь на лестницу, ведущую в мансарду, чтобы извлечь труп отца из-под обломков кровати. Но дверь застряла и не поддавалась. Мама трясла её изо всех сил, и грохот двери добавил к стуку и крику. Рой и наш пёс тоже вскочили. Один орал: «Что случилось?», — другой лаял изо всех сил.

Отец был разбужен диким стуком в дверь мансарды. Он решил, что в доме пожар.

— Иду, господа, иду! — застонал он слабым, сонным голосом: он всегда просыпался с величайшим трудом. Мама, всё ещё думая, что он задавлен кроватью, услышала в его жалобном возгласе «иду, господа!» покорную обречённость человека, готового предстать перед господом богом. «Он умирает!» — завопила она.

— Нет, я жив! — закричал Бриггс. — Я жив!

Он всё ещё думал, что мама беспокоится именно за его драгоценную жизнь. Наконец я вылез и нащупал выключатель, отпер дверь, и мы с Бриггсом побежали к остальным. Мы услышали, как отец вылезает из кровати. Рой дернул дверь изо всей силы, и отец стал спускаться с лестницы, сонный и злой, но совершенно целый и невредимый. Мама расплакалась, увидя его. Рекс завыл.

В конце концов, всё стало на место. Отец схватил насморк, оттого что ходил босиком, но других дурных последствий не было.

— Я так рада, — сказала мама, всегда умевшая находить во всём хорошую сторону, — я так рада, что дедушки не было дома...

ДЖЕМС ТЭРБЕР

Перевод с английского Риты РАЙТ

Рис. М. Черемных

СМУТНЫЕ ПОНЯТИЯ

В пух и прах разнёс бюллетень № 2 отдела пропаганды и агитации Новгородского обкома ВКП(б) «В помощь районной печати» белебиковскую районную газету «Звезда» за её «смутные понятия» в области «литературной грамотности».

Читая в этой газете статью тов. Тарасова, авторы бюллетеня, по собственному признанию, невольно вспомнили «слова Пушкина»: «Смешались в кучу кони, люди...»

«Великий поэт этой фразой, — поучает бюллетень, — гениально отобразил напряжённость Полтавской битвы...»

Вот так штука! А мы до сих пор полагаем, что слова «Смешались в кучу кони, люди...» принадлежат М. Ю. Лермонтову, гениально отобразившему этой фразой напряжённость Бородинского сражения.

Следовательно, в области «элементарной литературной грамотности» авторы бюллетеня не так уж далеко ушли от своих белебиковских коллег и проявили весьма «смутные понятия» в знакомстве с классиками.

ГОТОВЬТЕСЬ К ЗИМЕ!

Наконец, наступила весна. Дивная пора поэтов и влюблённых. Но так как в штатах Главурсы Министерства бумажной промышленности СССР поэты и влюблённые не предусмотрены, там царит зимняя стужа и леденящим дыханием веет от нижеследующей директивы, недавно разосланной всем начальникам подведомственных орсов:

«Предлагаю ускорить исполнение нашего № 70/03-4 от 21 ноября 1945 г. в отношении подготовки к зиме предприятий общественного питания.
Зам. нач. Главурсы Малаха».

Итак, начальники орсов, немедленно готовьте к зиме предприятия общественного питания! Замажьте поскорей замазкой окна в столовых. Исключите из меню свежие овощи и окрошку. Влезайте в валенки!

О ПОЛЬЗЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Заведующий Чечерским районным отделом народного образования (Белоруссия) тов. Писаренко прислал директору Дудичской школы «отношение», в котором предлагает улучшить работу школьной организации Красного креста. Оно «отношение» немногословно, но краткость стиля полностью искупается 24 грамматическими ошибками, обнаруженными нами в документе невооружённым глазом.

Особенно сильное впечатление произвела на нас директива, предусматривающая:

«Оказание помощи школьному врачу мед сестре в проведении профилактических и противоэпидемической гигиены мероприятий в школе».

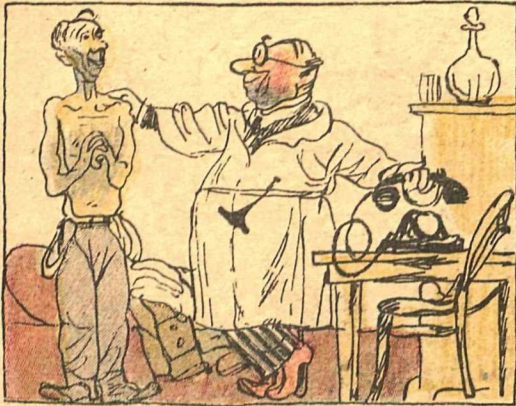
О своих нуждах тов. Писаренко умолчал. Надеемся, что дудичские педагоги по достоинству оценят скромность своего руководителя и в порядке профилактики окажут ему помощь в скорейшей ликвидации его малограмотности.

ПОПРАВКА

В № 22 Крокодила за прошлый год была помещена карикатура: приехавший с периферии в центр с отчётом низовой работник захватил с собой несколько тюков с подарками.

Нас просят отметить, что в рисунке была допущена досадная ошибка. Товарищ с отчётом прибыл не из Ташкента, как указано на табличке вагона, а из Краснодара. И ещё одна неточность: на рисунке изображён мужчина — в действительности речь идёт о тов. Васик — директоре орсса краснодарского завода имени Седина, которая вместе с отчётом повезла в Москву в подарок 186 килограммов рыбцов.

Охотно даём эти поправки, так как в заводской газете «Стахановец», по некоторым высоким соображениям, карикатуру на столь высокую особу, как тов. Васик, не сочли удобным помещать.

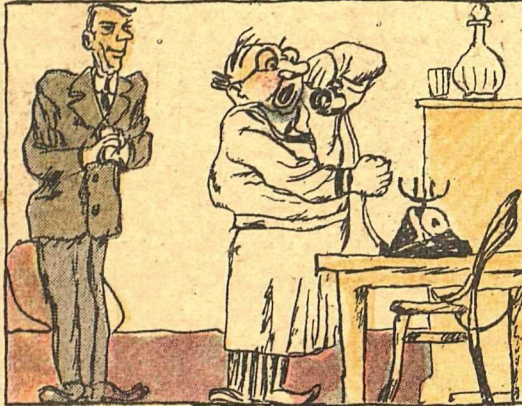
— Голубчик, у вас нервы не в порядке, — сказал врач пациенту.

— Сейчас позвоним по телефону и вызовем сестру. Вам нужны кое-какие процедуры.

— Ф-ф!.. Ф-ф!.. Ф-фу!..

— Алло!.. Алло-о!.. Алло-о-о!..

— Дайте мне, наконец, 32-15!..

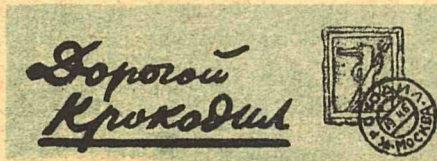
— Я же просил 32-15, а не 48-17!..

— Голубчик, у вас нервы не в порядке, — сказал больной врачу, — я сейчас сбегаю за сестрой.

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ...

Трёхлетняя Ляля
В углу у рояля
О чём-то лепечет.
Над чем-то хлопочет.
И слышно, как Ляля
У самой педалей
То что-то щебечет,
То что-то бормочет.
То очень сурово,
То менее хмуро.
То голос понизит,
То резко усилит.
— Ты сам безголовый!
— А ты, видно, дура!..
И дальше примерно
Всё в этом же стиле.
У папы и мамы
В глазах изумленье.
И папа и мама
Со стульев привстали.
И папа и мама —
С вопросом к Елене:
— Откуда такие
Ругательства, Ляля?
Ведь это нелепо!
Ведь это не шутка!
Ведь это же ужас!
Позорище прямо!
Во что ты играла?
Признайся, малютка.
И Ляля ответила:
— В папу и маму...
И стало всё ясно.
Сомненье напрасно.
И он и она
Друг на друга глядели.
Друг друга они
Понимали прекрасно.
И оба молчали,
И оба краснели...
Як. ВЪЛАНИН

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

9 февраля в Марийской АССР умер заведующий Звениговским райторготделом Галибин. Исполком решил похоронить тов. Галибина со всеми почестями и 11 февраля на своём заседании создал во главе с председателем исполкома тов. Михайловым специальную похоронную комиссию.

И вдруг на этом же заседании вспомнили, что за покойником остались кое-какие недостатки. И вот, судя по протоколу, заставили тов. Галибина, спустя два дня после смерти, отчитаться в распределении муки и сделать доклад о контингентах на снабжение хлебом.

Так и значатся в одном и том же протоколе заседания исполкома эти три пункта в повестке дня: о смерти Галибина, доклад Галибина о распределении муки и ещё один доклад Галибина — о снабжении хлебом.

В связи с этим у меня к тебе, дорогой Крокодил, два вопроса: не слишком ли большая нагрузка на одного покойника и каким образом думает Звениговский исполком в дальнейшем наладить связь с потусторонним миром, чтобы получать от покойника информацию о ходе выполнения решений исполкома?

И. ЛЕБЕДЕВ

г. Йошкар-Ола,
Марийской АССР.

Дорогой Крокодил!
Недавно в Ставрополе происходили финальные соревнования по боксу спортивного общества «Трудовые резервы». Высокий класс на этих соревнованиях показал некто Тамаревский, заведующий промышленным отделом газеты «Ставропольская правда».

Будучи в блестящей нетрезвой форме, Тамаревский продемонстрировал исключительную меткость удара как правой, так и левой рукой по соседям, пытавшимся урезонить его. Виртуозной бранью он нокаутировал администрацию. И только в решительной встрече с милицией Тамаревский на пятой минуте сдался и был удалён из зала, не добившись полной победы над присутствовавшей публикой.

Д. ПРИШВА

г. Ставрополь.

Уважаемый Крокодил!

В апреле прошлого года председатель Ленкоранского исполкома тов. Ткаченко и зав. коммунхозом тов. Али-Заде рапортовали в местной газете о пуске городского водопровода. Так и хочется сейчас, спустя год, сказать: «Сколько воды утекло с тех пор!» Но, увы, у нас нет никаких оснований, чтобы так выразиться.

Авторы рапорта удовлетворились тем, что пустили воду всего на два часа, в дальнейшем объясняя бездействие водопровода тем, что ещё не утверждены штаты, не построены будки, а главное, не обеспечена охрана кранов.

В связи с годовщиной со дня опубликования рапорта неплохо было бы использовать воду для устройства фонтана в честь наших градоправителей. Зрелище это было бы не только красочным, но и символичным.

К. ХРОМОВ

г. Ленкорань,
Азербайджанская ССР.

Дорогой Крокодил!

Хочу предупредить тебя об опасности. Если ты получишь когда-нибудь поздравительную телеграмму от председателя райпотребсоюза Петровского района, Ярославской области, тов. Бойцова, то, ради всего святого, не принимай её и не расписывайся в получении.

Если моему совету не последуешь, будешь наказан. Бойцов через некоторое время потребует с тебя возместить телеграфные расходы.

Опыт у него в этом есть. Недавно он разослал колхозам телеграмму о том, чтобы они выкупали товары. Колхозники приехали, де-

СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ СИСТЕМА?

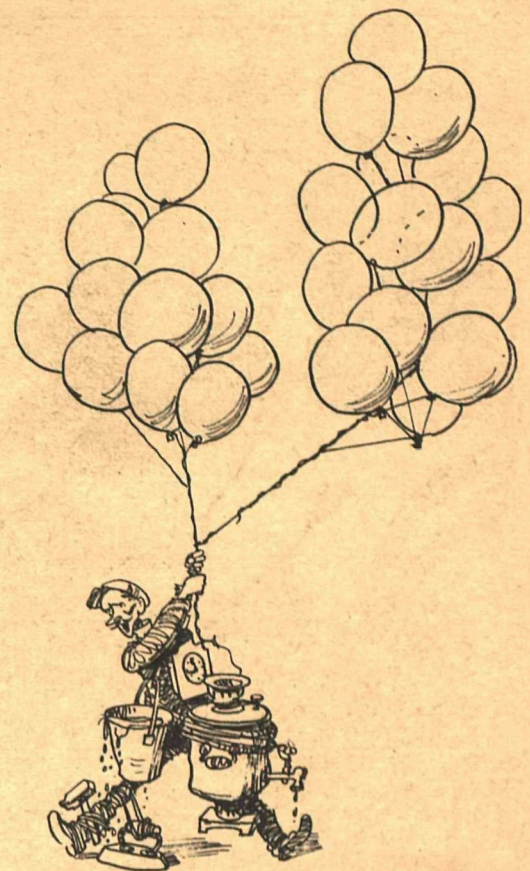
Рис. Л. Бродаты

— Это — безобразие, товарищ директор, вы нарочно ставите мою пьесу как раз тогда, когда у вас пустой зал.

В ВЕТРЕННУЮ ПОГОДУ

Рис. А. Каневского

Техника безопасности.

нежки уплатили, товар получили, а Бойцов и говорит:

— Это — ещё не всё! Уплатите деньги за телеграммы, иначе не выпущу!

Колхозники поспорили, поспорили, — где же это, дескать, видно, чтобы за рекламу взимали? — но так и отдали.

Но самое интересное — то, что Бойцов всем колхозам давал телеграмму по льготному тарифу, а с колхозов получил по нормальному. И тут перехитрил.

И. МОКРИЦЫН,

редактор газеты

«За большевистские колхозы»

Уважаемый Крокодил!

В годы войны, когда я находился на фронте, жена моя получила в Прокопьевске жилищную площадь, на которой после демобилизации поселился и я. Вскоре я разошёлся с моей женой, которая вторично вышла замуж и переехала на новую квартиру.

Коммунальный отдел Прокопьевского угольного треста во главе с тов. Назаровым решил поильно отметить это событие.

После некоторых размышлений мне предложено было покинуть предоставленную в своё время моей семье жилплощадь.

Прокопьевские коммунальщики, видимо, считают, что забота о демобилизованных — дело рук самих демобилизованных. Городскому прокурору тов. Блоку, к которому я обращался, тоже нравится этот лозунг.

Очень прошу тебя, уважаемый Крокодил, разъяснить, какова твоя точка зрения на точку зрения гг. Назарова и Блока.

К. БАХИРЕВ

Прокопьевск,
Кемеровской области.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКУРЬНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 49, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 342. Подп. к печати 8/V 1946 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А01976

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1034.

Тираж 150.000 экз.

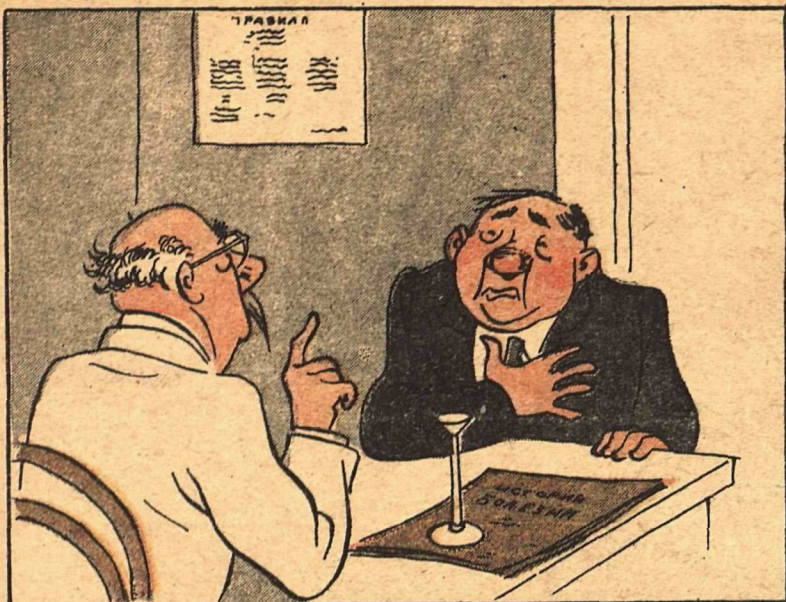
46

СПЕЛСЯ С КРУГА

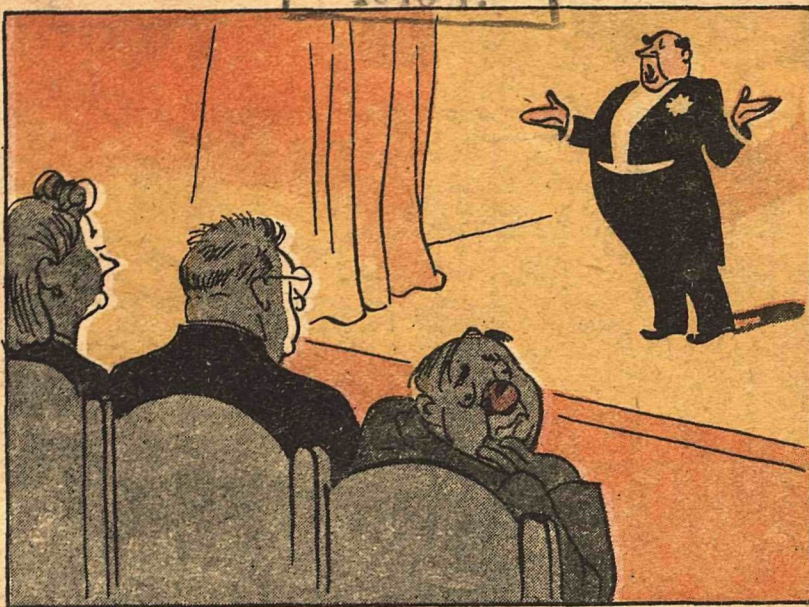
ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ОБЪЕД. ЭНЗ.
1946 г.

3703 м

Рис. Бор. Ефимова

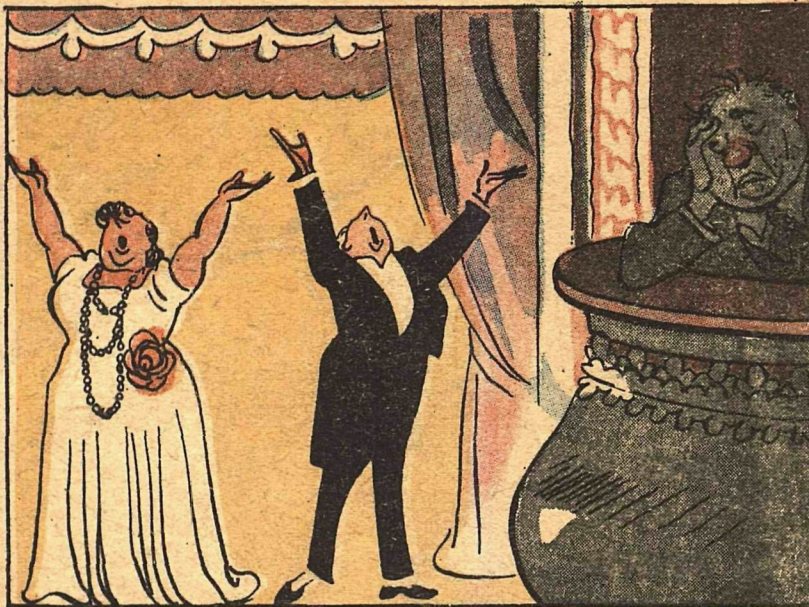
Гражданин В. Стограммов решил бросить пить и обратился за советом к врачу.
— От мыслей о вине вас лучше всего отвлекут культурные развлечения, — посоветовал врач.
В тот же вечер Стограммов пошёл на концерт.

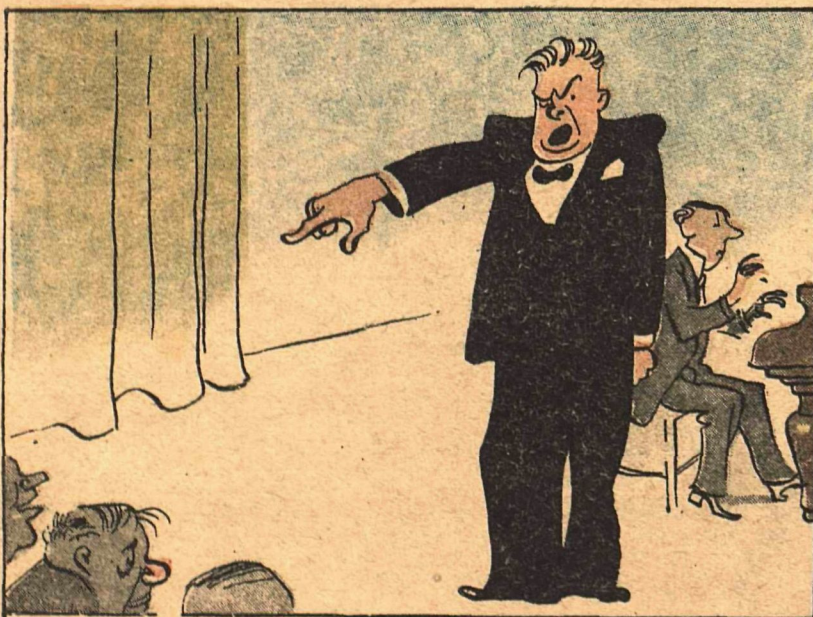
— «И пью, и пью, и пью я...», — пропели ему со сцены басом. Избегая соблазна, Стограммов пошёл на...

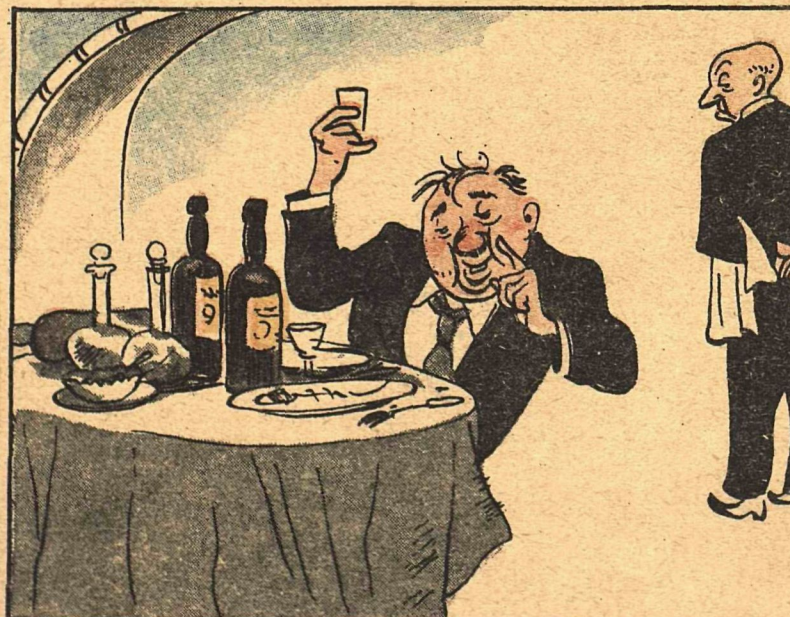
...другой концерт.
— «Каким вином нас угощали...» — радостно вспоминала там певица.
И, спасаясь от нахлынувших на него воспоминаний, Стограммов бежал на...

...третий концерт, где уже в два голоса призывали его:
— «Налейте, налейте бокалы полней...»
Однако Стограммов не поддался и решил попробовать счастья ещё на одном концерте...

...но там на него просто грубо закричали:
— «Бездельник, кто с нами не пьян!...»
Стограммов ни словом не ответил на выпад...

...но на деле вскоре опроверг эту клевету. Под утро в пустынном зале ресторана он пел пьяно-пьяниссимо:
— «Пью за здравие Мэри!.. Налейте мне грогу стакан!..»